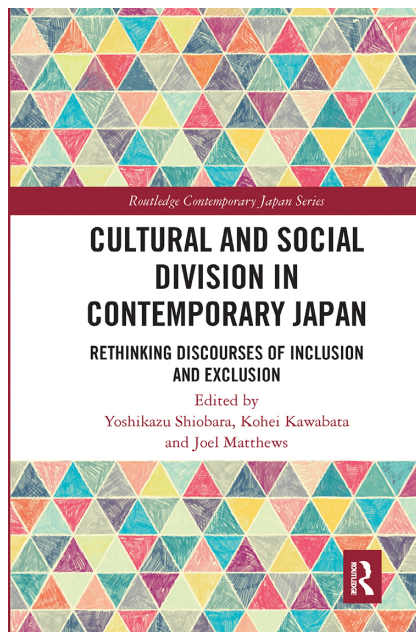

УДК 316.423.6

DOI: 10.17223/2312461X/34/16

ГРАНИЦЫ И ЭКСКЛЮЗИОНИЗМ В СОВРЕМЕННОМ ЯПОНСКОМ ОБЩЕСТВЕ*

Cultural and Social Division in Contemporary Japan: Rethinking Discourses of Inclusion and Exclusion. Edited by Yoshikazu Shiobara, Kohei Kawabata, Joel Matthews. Routledge Contemporary Japan Series. Routledge, 2019. 286 p. ISBN 9781138310391

В пережившей уже пять изданий классической работе «Знакомство с японским обществом» Сугимото Ёсио писал, что Япония часто изображается как уникальное гомогенное общество и в расовом аспекте, и в этническом. Десятилетиями японское правительство пропагандировало идею расовой чистоты и этнического превосходства, которую также поддерживала легенда о непрерывности японской императорской династии. В годы экономического роста, начиная с 1960-х гг., многие авторы объясняли японское экономическое чудо и политическую стабильность расовой и этнической гомогенностью (Sugimoto 2020).

* Работа выполнена в рамках проекта «Население пограничных территорий России: динамика групповых идентичностей, отношение к гражданству, миграционные риски» в рамках программы фундаментальных и прикладных научных исследований по теме «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» (рук. – Д.А. Функ).

Нужно отметить, что истоки подобного концепта относятся еще к XIX в. Бэфу Харуми, эмерит-профессор Стэнфордского университета, указывает на его ярко выраженный контруктивистский характер: в эпоху Мэйдзи центральное правительство определило «настоящую» японскость, взяв за основу культуру региона Канто-Кансэй и стандартизированный токийский диалект, и попыталось переплавить японцев из периферийных регионов и неэтнических японцев в эту определенную форму. Важную роль в формировании данной концепции сыграл *нихондзинрон* – комплекс представлений об исключительности японцев и японской культуры, стремящийся охватить биологические аспекты, культурные достижения, язык, искусство, социальные отношения и черты индивидуального характера (Befu 2021).

Что не так с образом гомогенной Японии? Он не принимает во внимание, что японское общество мозаично и обладает слоями доминирующих и миноритарных культур. В числе последних присутствуют не только большие группы айнов, рюкюсцев, корейцев-дзайнити и буракуминов, но и многочисленные категории с двусмысленным статусом, как то натурализованные корейцы и китайцы, принявшие японские фамилии; дети от смешанных браков; потомки японцев, оставшихся в Маньчжурии после отхода Квантунской армии; потерявшие гражданство японки, вышедшие замуж за корейцев до 1952 г., и их дети; лица с двойным гражданством.

Различным меньшинствам внутри японского общества и феномену эксклюзионизма и посвящена рассматриваемая монография «Социальное и культурное разделение в современной Японии: переосмысление дискурсов об инклюзии и эксклюзии». Ее главный редактор, профессор университета Кэйо, Сиобара Ёсикадзу называет эксклюзионизмом аргументы, практики и движения, направленные на физическое/символическое исключение других из персонального/социального/национального пространства (напр., личных отношений, школ и сообществ). Он полагает, что эксклюзионизм возникает как следствие социальных изменений в поздней современности (*late modernity*), а в современной Японии он появился в результате неолиберальной политики и вызванной глобализацией трансграничной миграции, усилившейся угрозы мирового терроризма, напряженных отношений между странами Восточной Азии из-за исторических и территориальных конфликтов и взлетом исторического ревизионизма в Японии.

Книга состоит из пятнадцати глав, которые сгруппированы в четыре раздела: «Контекст и история вопроса», «Эксклюзионизм и этнические меньшинства», «Эксклюзионизм и социальные меньшинства», «Теоретические альтернативы преодоления эксклюзионизма». Так как настоящая рецензия написана в рамках проекта «Население пограничных территорий России: динамика групповых идентичностей, отношение к

гражданству, миграционные риски», я остановлюсь на главах, анализирующих проблемы групповых идентичностей «классических» для историографии меньшинств, но помимо этого затрону и «традиционную» тему социальной дискриминации в Японии – эксклюзию по отношению к буракуминам.

В вводной главе Сиобара отмечает, что в рамках представленного в книге исследовательского проекта авторы считают разделенность (*бундан*) ключевой характеристикой современного японского общества, в связи с чем намерены изучить процесс возникновения эксклюзионизма (*хайгайсюги*) в разделенном социальном и экономическом неравенством обществе Японии 2010-х гг. Гипотезу данного исследования Сиобара формулирует следующим образом: отсутствие признания прав меньшинств на институциональном уровне порождает представления о них как об «аморальном другом» (*immoral other*), что через соответствующую риторику закрепляется в «эксклюзионистском сознании», направленном против меньшинств. Он указывает, что источником этого сознания является характеризующая современное общество уязвимость в социоэкономическом положении, вызванная конкуренцией на мировом рынке, упадком системы социального обеспечения, изменениями на рынке труда, бедствиями, войнами, терроризмом и экологическим кризисом. Когда представители меньшинств не получают от государства закрепления собственных прав и подтверждения своей гражданской принадлежности, они становятся более подвержены антагонизму со стороны большинства.

Самое большое этническое меньшинство иностранного происхождения в современной Японии – это корейцы-дзайнити. После того, как Япония аннексировала Корейский полуостров в 1910 г., многие корейцы мигрировали в Японию в поисках лучшей жизни. Более того, во время Второй мировой войны многие корейцы были переправлены в Японию для принудительного труда. Несмотря на то, что значительное число корейцев вернулось на родину после 1945 г., были и те, кто остался в Японии. Слово *дзайнити* обозначает не всех корейских мигрантов, а только тех, кто переселился в Японию до 1945 г., и их потомков. У этой группы есть постоянный статус резидентов, и в 2019 г. число корейцев-дзайнити насчитывало 446 тыс. человек (Иммиграционное бюро Японии 2020).

Глава Джозла Мэттьюса посвящена именно им. Сам он характеризует корейцев-дзайнити как самое большое колониальное меньшинство в Японии и как основную цель современных ксенофобских риторик и практик. Мэттьюс прослеживает историю изменения правового статуса этой этнической группы, а также ищет истоки их активной эксклюзии. Для объяснения этого феномена Мэттьюс использует концепцию Гассана Хаге о «параноидальном национализме» (Хаге 2003).

«Паранойя» по Хаге – это патологическая форма страха, базирующаяся на концепции субъекта как чрезвычайно уязвимого и постоянно находящегося под угрозой. Хаге полагает, что паранойя происходит от страха потери привилегий, обеспеченных структурой колониального владычества, и базируется на процессе расиализации, которая рассматривает колонизируемые народы как низшие, а колонизаторов – как высшие. Мэттьюс указывает, что в случае Японии модель колониального расизма работает несколько иначе, чем в странах Европы: из-за близости в географическом и расовом отношении Японии и ее бывших колоний, нынешние корейцы-дзайнити неотличимы от основного населения. Этим и объясняется, как полагает Мэттьюс, беспокойство доверенной японской администрации о регистрации корейцев и наблюдении за ними, что еще больше усилилось в послевоенные годы, «когда японцы не были “защищены” структурными привилегиями имперского закона и его расовыми иерархиями».

Глава Пак-Ким Уги посвящена «корейским школам» в Японии и дискриминации их как «сверху», со стороны правительства, так и «снизу», со стороны ультранационалистов. «Корейские школы» – это образовательные учреждения для корейцев-дзайнити, где общая школьная программа сопровождается изучением корейского языка, культуры и истории. История «корейских школ», как показывает ее Пак-Ким, это история противостояния с японским правительством, которое с 1946 по 1955 г. пыталось их запрещать. Особенно важный для автора эпизод в этой истории относится к 1948 г., когда страны антигитлеровской коалиции, которые Пак-Ким, ярко демонстрируя свою позицию, называет союзными оккупантами (the Allied Occupiers), помешали сообществу корейцев-дзайнити добиться от японских властей прекращения закрытия «корейских школ», отменив уже принятое решение о приостановке этой процедуры. С 1965 г. корейские школы также не входят в систему государственного финансирования, что накладывает определенные финансовые проблемы на родителей-корейцев, желающих, чтобы их дети знали корейский язык и культуру. Более того, говоря о дискриминации «снизу», автор указывает, что с 1980-х до 2000-х гг. повторялись инциденты, когда в поездах школьницам портили их особую «корейскую» школьную форму, а учащиеся младших классов страдали от оскорблений и насилия со стороны националистов.

Точно так же дискриминации подвергаются и айны – индигенное население земель, омываемых Охотским морем, и, говоря о территории современной Японии, – острова Хоккайдо. Автор главы об айнах, Марк Винчестер, указывает, что нынешнее их положение продолжает характеризоваться переселением и ассимиляцией, осуществленным еще японским колониальным правительством, и до сих пор айны являются одной из наиболее бедных групп в японском обществе. Однако этот

факт не защищает их от риторики ненависти и исторического ревизионизма, которые Винчестер считает выражением современного японского колониализма. Он пишет, что с момента ратификации Японией Декларации о правах коренных народов ООН в 2007 г. и последующего признания айнов индигенным народом Парламентом Японии в 2008 г., началась кампания по отрицанию аборигенного статуса айнов, которая была поддержана отдельными антропологами и популяризирована публичными личностями, в том числе политиками и мангаками. Кульминацией этого движения он считает выступление в августе 2014 г. члена городского собрания Саппоро, который отрицал существование айнов как отдельной этнической группы, что привело к всплеску риторики ненависти в интернет-пространстве и в конечном итоге к антиайнской демонстрации в Токио. Помимо этого, он упоминает факт пересмотра учебников для средней школы издательства *Ниппон Бункё: Сюппан*, где «экспроприация земли у айнов» была заменена на «передача земли айнами», а также открытые письма расистского содержания к Музею Хоккайдо и губернатору Хоккайдо, Такахаси Харуми, в мае 2016 г.

Все эти проблемы Винчестер блестяще описывает в своей главе об айнах, однако оформление ее вызывает вопросы. Глава в итоге представляет собой перечень имен публичных фигур, ведущих расистскую политику по отношению к айнам, и краткое описание их «заслуг», что в целом напоминает проскрипционный список. Тем не менее заканчивает Винчестер на мажорной ноте, указывая в постскриптуме, что в начале 2019 года кабинет министров Японии представил парламенту новый законопроект «Постановление о продвижении мер по созданию общества, в котором уважается гордость народа айнов». Винчестер еще не знает о судьбе этого закона, однако его опасения, что этот закон будет слишком умозрительным, подтвердились: в ходе пресс-конференции 1 марта 2019 г. активисты айнского движения отметили, что «в разработке нового законодательства не принимали участия сами представители народа, а также то, что в законопроекте не представлены конкретные меры по реализации поставленных в нем целей» (Пресс-конференция 2019). Профессор университета Тюкё Осакада Юко отмечает, что законопроект не гарантирует айнам коллективных прав, указанных в Декларации о правах коренных народов ООН, и приводит аргументы из обсуждения законопроекта в Парламенте Японии, когда были подняты вопросы о праве на самоопределение айнов и возвращении им полных прав на экспроприированные территории и их ресурсы, которые, однако, не получили внятного ответа (Osakada 2020: 1060–1061).

К традиционным «этническим» меньшинствам Японии часто причисляются и жители группы островов Рюкю, и в данной монографии за проблематику населения Рюкю «отвечает» глава Такахаси Синноскэ о вопросах «окинавской идентичности». Ключевой аналитической категорией для

Такахаси становится «локальность». Он замечает, что «так называемая окинавская идентичность – это концепт не самоочевидный, а созданный и сформированный различными проявлениями локальности». Тем не менее открытого ответа на то, что же такое «локальность», автор не дает, указывая, что ее определение зависит от контекста, но в то же время и сама локальность «является решающей для контекстуализации и нарративизации природы, культуры и людей», и поэтому, по его мнению, значение этого термина связано с политическими процессами эксклюзии и инклюзии, однако само объяснение кажется достаточно умозрительным.

Примеров локальностей, формирующих ту самую «окинавскую идентичность», Такахаси приводит два: это «Общество против вертолетной площадки» деревни Такаэ, символом которого выступает лес Ямбару как культурный ресурс, который необходимо сохранять; и организация «Единство народов Окинавы и Кореи», которая объединяет политических активистов из Окинавы и Южной Кореи. Такахаси считает, что эти два примера демонстрируют две траектории, формирующие чувство принадлежности: это локализация, как в случае деревни Такаэ, где природный ландшафт конструирует коллективную идентичность, и регионализация, как в случае «Единства народов Окинавы и Кореи», когда активисты анализируют ситуацию вокруг авиабаз на Окинаве в контексте всего региона Восточной Азии. По замыслу автора главы, эти два примера показывают, что локальность может означать не только эксклюзию, но и инклюзию, и социальную кооперацию, и что для понимания окинавской идентичности за пределами политики эссенциализма нужно анализировать практики местных локальностей.

Последний очерк, о котором пойдет речь в данной рецензии, касается также классической ситуации дискриминации. Речь идет о буракуминах – от термина *бураку*, обозначавшего «поселение, деревня, община», и *буракумин* – это люди, которые живут в таких поселениях. Они подвергаются дискриминации из-за распространенного предубеждения, что их предки в феодальный период входили в социальную категорию париев (*эта* и *хинин*). Сегрегированные сообщества начали возникать в XVI в. и были институционализированы с усилением классовой системы феодального режима Токугава. Государственная система классифицировала население в четыре группы: самураи, крестьяне, ремесленники и торговцы, но приписываемые буракуминам «предки» были вынесены за рамки этой системы и даже ограничены в выборе мест для поселения, отсюда и их общее название.

Помимо генеалогического «признака», дискриминация буракуминов также осуществляется по принципу проживания (якобы буракумины живут в закрытых сообществах, расположенных на тех же местах, что и в период Эдо) и по роду деятельности (якобы буракумины работают только в мясной промышленности и в кожевенном производстве).

В своей главе Исикава Матико выходит за рамки просто обзора нынешней ситуации дискриминации буракуминов. Она привлекает письменные источники, созданные самими буракуминами, и фокусируется на их опыте дискриминации. Исикава пишет о движении за образование буракуминов (в 1993 г. среди буракумин безграмотных было 3,8%, в 19 раз больше, чем в целом по Японии (Aoki 2009: 196)); о знаменитом инциденте в Саяма, когда было доказано, что дело о буракумине, приговоренном к 31 году тюрьмы якобы за убийство девушки, было начато именно из-за предубежденного отношения к буракуминам полицейских и представителей судебной власти. Исикава также привлекает материал о громких инцидентах, связанных с дискриминацией в 2010-е гг., в том числе упоминает о продолжении печальной традиции публикации списков с указанием фамилий и места жительства людей, причисляемых к буракуминам.

В 1970-е гг. некоторые компании покупали копии документов с прописанными в них местами жительства буракуминов. Во время подачи заявки на должность претендент должен был приложить документы-косэки, на которых был указан адрес, и таким образом заинтересованные в эксклюзии буракуминов компании имели возможность сверять адрес претендента со списком адресов буракуминов. В 1970–1980 гг. таких списков на черном рынке насчитывалось по крайней мере десять. После протестов буракуминов правила приема на работу изменились, и теперь требуется прописывать только свою префектуру.

В этой связи Исикава рассматривает кейс с группой *Тоттори-лун*, известной своей дискриминационной активностью против буракуминов. В 2016 г. они опубликовали в издательстве *Дзигэнся* копию полугосударственного отчета 1936 г. о буракуминах в Японии. Годом позже судебным запретом эта книга была выведена из продажи, группе было запрещено публиковать эти сведения на своем сайте, однако они до сих пор существуют на его многочисленных «зеркалах». Все вышеперечисленное, по мнению Исикава, является новой формой дискриминации буракуминов, против которой в 2016 г. японским парламентом был принят закон о продвижении запрета дискриминации буракуминов, однако, как и в случае с айнами, коренных перемен он не вызвал.

В рассматриваемой монографии существуют и спорные пассажи, как, например, основная идея первой главы, написанной совместно Ноем МакКормаком и Кавабата Кохэй. Критикуя тезис об «идеальной гомогенной Японии», превалирующий в историографии 1960–1980-х гг., авторы закономерно указывают на его несостоятельность. Они пишут о том, что он может быть вписан в концепт «встроенного либерализма» Дэвида Харви (Harvey 2005), и указывают, что фокус на социальной защищенности означал эксклюзию тех, кто по каким-то признакам – из-за гендера, возраста, этнической принадлежности, физических или мен-

тальных особенностей и т.д. – не может претендовать на полное трудоустройство. Именно в это время возникают различные движения, «участники которых считают себя членами определенной группы и понимают, что именно восприятие их как членов этой группы ведет к риску или к уже существующим негативным факторам, таким как насилие, дискриминация и эксклюзия», которые объединяют усилия участников по преодолению стереотипов и налаживанию позитивного восприятия.

МакКормак и Кавабата обозначают такие движения термином «политика идентичности», которая, по их мнению, сменяется парадигмой неолиберализма. Именно неолиберализм, как представляют авторы, ведет к росту индивидуализации и уменьшению контроля за рынком труда, что приводит к индивидуальной ответственности за собственные успехи и неудачи и перестает связываться с дискриминацией по коллективному признаку. Авторы полагают, что «политика идентичности» привела к необходимым результатам, но в настоящее время солидарность групп меньшинств падает, равно как и уменьшаются эксклюзия и предубеждение. Именно эта часть концепции кажется наиболее слабой. Аргументация МакКормака и Кавабата строится на том, что общность проблем неким образом аннулирует те из них, которые были непосредственно вызваны дискриминацией: например, сейчас многие японские мужчины, как и женщины, работают не полный рабочий день и не по трудовому договору. Не очень понятно в таком случае, как это решает проблемы женщин: оттого, что у мужчин возникают трудности с устройством на работу, у женщин они не исчезают и не становятся меньше, так как изначально вызваны совершенно другой причиной: эксклюзией по гендерному принципу.

Точно так же странной кажется критика авторов нежелания исследователей разных меньшинств изучать их связь друг с другом: «...это порождает сложности на создании пути, который бы объединил всех людей, потенциально принадлежащих к социальному меньшинству (have the potential to belong to a social minority), с людьми, которые на самом деле подвергаются дискриминации (actually minoritized)». Помимо сомнительного выбора слов, подразумевающего, что существуют те, кто не дискриминируются «на самом деле», нужно отметить пример, которым иллюстрируется этот пассаж: речь идет о том, что исследователи не берутся за изучение якобы существующей тесной связи корейцев-дзайнити и сообщества людей с ментальными особенностями, так как эти исследования стигматизированы внутри сообщества корейцев-дзайнити. Последнее не кажется странным – корейцы-дзайнити сейчас являются излюбленной мишенью для японских националистов, и вес двойной дискриминации, неизбежно возникший бы в таком случае, в нынешней ситуации представляется чрезмерной ношей, которую при-

шлось бы нести конкретным людям ради каких-то абстрактных идеалов будущего.

В целом монография ярко демонстрирует усилившиеся в последнее десятилетие в японском обществе негативные тенденции: администрация Абэ Синдзо, известного своими правыми взглядами даже в консервативной Либерально-демократической партии, привела к всплеску националистических тенденций – обострились территориальные споры с Китаем об архипелаге Сенкаку, расцвел исторический ревизионизм, сторонники которого отрицают военные преступления Императорской армии Японии, в том числе существование «женщин для утешения», все громче зазвучала риторика ненависти как в интернет-пространстве, так и в митингах на улицах крупных городов. Расцвет национализма пагубно сказался на всех меньшинствах Японии, так как нынешний его вариант, который авторы данной монографии называют «эксклюзивнистским», ставит себе целью исключение других не только физически, но и легально, и символически, отрицая их место в составе нации. В случае невозможности устранения своих жертв из национального пространства, национализм становится идеологией, оправдывающей доминацию внутри национального и социального пространства и стигматизирующей других как стоящих на более низких позициях. Национализм касается даже сограждан, не входящих ни в какое меньшинство: они оказываются «предателями», которые якобы действуют против национального интереса из-за своего эгоизма. Эта ненависть к избранным японцам соседствует с любовью ко всей нации, потому что националисты идеализируют историю страны и ее выдающихся личностей.

Практически все достижения по борьбе с дискриминацией в Японии можно отнести к заслуге общественных движений, представляющих интересы тех или иных меньшинств, и именно благодаря этим институтам гражданского общества баланс между националистической линией правительства и правами меньшинств все еще сохраняется.

Монографию «Социальное и культурное разделение в современной Японии» можно порекомендовать всем, кто хочет быть в курсе современного состояния японского общества и его главных проблем. Помимо акцента на события последнего десятилетия, монография дает базовые знания об истории социальных и этнических меньшинств в Японии, а также многочисленных группах и категориях, которые страдают от эксклюзивизма, но обычно остаются в тени и не получают большого освещения в литературе.

Благодарности

Автор приносит благодарность эксперту РИСИ Р.Н. Лобову за транслитерацию корейских имен и названий.

Примечание

Написание японских и корейских имен собственных приведено в соответствие с принятым порядком: сначала фамилия, потом имя. Написание всех остальных имен приведено в соответствие с международными правилами в обратном порядке.

Источники

Иммиграционное бюро Японии. 2020. URL: <https://www.moj.go.jp/isa/content/001335868.pdf> (дата обращения: 10.11.2021).

Пресс-конференция «Неужели айнов в Японии, наконец-то, признают?». URL: <http://ihaefe.org/files/news/2019/12-03/press-conf-rus.pdf> (дата обращения: 10.11.2021)..

Литература

Aoki H. Buraku culture // *The Cambridge Companion to Modern Japanese Culture*. Cambridge University Press, 2009. P. 182–198.

Befu H. Hegemony of homogeneity: An anthropological analysis of nihonjinron. Trans Pacific Press, 2021.

Hage G. Against paranoid nationalism: searching for hope in a shrinking society. Pluto Press, 2003.

Harvey D. A brief history of Neoliberalism. Oxford University Press, 2005.

Osakada Y. An examination of arguments over the Ainu Policy Promotion Act of Japan based on the UN Declaration on the Rights of Indigenous Peoples // *The International Journal of Human Rights*. 2020. № 25 (6). P. 1053–1069. DOI: 10.1080/13642987.2020.1811692

Sugimoto Y. An Introduction to Japanese Society. Cambridge University Press, 2020. 5th ed.

Дарья Александровна Трынкина

Институт этнологии и антропологии РАН

Рецензия поступила в редакцию 10 ноября 2021 г.

Daria A. Trynkina, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation).

E-mail: uwwalo@iea.ras.ru

Division and exclusionism in contemporary Japanese society

Review of *Cultural and Social Division in Contemporary Japan: Rethinking Discourses of Inclusion and Exclusion*. Edited by Yoshikazu Shiobara, Kohei Kawabata, Joel Matthews. Routledge Contemporary Japan Series. Routledge, 2019. 286 p. ISBN 9781138310391
DOI: 10.17223/2312461X/34/16

This work was conducted as part of the project "Population of Border Territories of Russia: Dynamics of Group Identities, Attitudes toward Citizenship, and Migration Risks" as part of the Basic and Applied Scientific Research Program on "Ethnocultural Diversity of Russian Society and Strengthening All-Russian Identity".

References

Aoki H. Buraku culture. In: *The Cambridge Companion to Modern Japanese Culture*. Cambridge University Press, 2009, pp. 182–198.

-
- Befu H. *Hegemony of homogeneity: An anthropological analysis of nihonjinron*. Trans Pacific Press, 2021.
- Hage G. *Against paranoid nationalism: searching for hope in a shrinking society*. Pluto Press, 2003.
- Harvey D. *A brief history of Neoliberalism*. Oxford University Press, 2005.
- Osakada Y. An examination of arguments over the Ainu Policy Promotion Act of Japan based on the UN Declaration on the Rights of Indigenous Peoples, *The International Journal of Human Rights*, 2020, no. 25(6), pp. 1053–1069. DOI: 10.1080/13642987.2020.1811692
- Sugimoto Y. *An Introduction to Japanese Society*. Cambridge University Press, 2020. 5th edition.